

С. Ю. Сапрыкин

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ И ВАРВАРИЗАЦИЯ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (КАЛЛИПИДЫ И МИКСЭЛЛИНЫ ДОГЕТСКОЙ ОЛЬВИИ)

В статье рассматриваются взаимоотношения Ольвии с окрестными варварами. Отмечается ее тесная связь со степной и лесостепной зонами Северного Причерноморья. В результате некоторая часть местного населения переселилась в город и на хору, а некоторые из эллинов поселились в глубине Скифии, где осуществляли торговлю. В связи с этим исследуется вопрос о каллипидах: автор полагает, что это скифское племя сначала кочевало в степных районах к северу и северу-западу от Ольвии, а в конце VI – начале V в. до н.э. под давлением новых групп кочевников одновременно с некоторыми жителями сократившейся в размерах хоры Ольвии переместилось в район Лесостепи. Здесь каллипиды осели, занялись земледелием и вместе с греками составили группу населения, которую Геродот охарактеризовал как «эллины-скифы». По этой причине их нельзя отождествлять с миксэллинами эллинистической Ольвии, так как последние являлись ее союзниками против сарматов и, скорее всего, проживали в Крымской Скифии.

Ключевые слова: Ольвия, ализоны, скифы, каллипиды, миксэллины, Березань, Нижнее Поднепровье, Нижнее Побужье, Лесостепь, степная зона, протекторат, Скил, эллинизация, варваризация, полис.

Античные государства Северного Причерноморья находились в близком соседстве с местными племенами, которых эллины называли варварскими. Поэтому проблема «эллинства» и «варварства», их взаимодействие на периферии античного мира постоянно привлекали внимание исследователей. Некоторые из них преувеличивали роль греческой цивилизации в жизни племен Северного Причерноморья. Б.В. Фармаковский, например, полагал, что искусство звериного стиля у скифов испытывало сильнейшее влияние греков, а Ю. Кулаковский отстаивал идею, что эллины способствовали социально-экономическим изменениям в племенной среде, так как обучили кочевников земледелию. Тезис о сильном воздействии греков на изобразительное искусство скифов и сарматов оставался достаточно популярным¹. Другая группа ученых принижала степень влияния греков на местные племена, приписывая скифам, синдам, меотам и даже сарматам ведущую роль в создании материальной и духовной культуры северопонтийских эллинов. По их мнению, многие античные памятники Северного Причерноморья создавались при непосредственном участии варваров².

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

* Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 12-01-00122а «Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора» и № 12-01-00116а «Магические надписи античного Северного Причерноморья».

¹ Хазанов, Шкурко 1978, 72–80.

² Гайдукевич, Капошина 1951, 162–187; Иванова 1951, 188–203; Книпович 1955, 178–187.

Роль эллинства и варварства в Северном Причерноморье убедительно раскрыта в работах М.И. Ростовцева. Согласно его концепции, к приходу туда эллинов в местных степях господствовали киммерийцы, а со второй половины VII в. до н.э. кочевники-скифы. Они сумели создать мощную державу, объединившую обширные районы в междуречье Дона и Днепра, поэтому греки с раннего времени вступили в тесное взаимодействие со скифами. В результате часть скифской аристократии, прежде чуждавшаяся эллинского образа жизни, постепенно приобщалась к греческим обычаям и, согласно своим пристрастиям, заказывала у греческих ремесленников различные изделия, в основном парадного и ритуального характера. Некоторые ее представители даже выбирали греческие полисы для проживания. С приходом в III в. до н.э. в скифские степи сарматов могущество Скифии быстро слабело, а значение эллинских государств возрастало. Причиной этого стало тесное взаимодействие эллинских и иранских (сарматских, синдо-меотских) традиций, которое достигло наивысшего уровня к рубежу нашей эры и особенно в императорскую эпоху. В результате Боспор, Ольвия и Херсонес превратились в анклав, где греческий образ жизни был значительно разбавлен иранским влиянием³.

Последующие исследователи использовали отдельные положения этой концепции. С.А. Жебелёв, например, пришел к выводу, что вследствие постепенной ассимиляции греческого и туземного населения Боспорское царство стало типичным греко-скифским, а затем греко-сарматским государством, поэтому его следует поставить в один ряд с эллинистическими образованиями типа Пергама, Вифинии, Каппадокии, Армении, Понта. Черты эллинистического государства, по его мнению, сложились на Боспоре уже в начале IV в. до н.э.⁴ Эти выводы были развиты В.Д. Блаватским, который выдвинул концепцию «протоэллинизма», призванную объяснить особый путь развития северопричерноморских государств. Она заключалась в том, что к началу IV в. до н.э. полисные рамки античных центров региона (особенно Боспора) оказались тесными и они превратились в большие территориальные государства, напоминавшие эллинистические царства. Причиной этого явилось тесное взаимодействие эллинского образа жизни, форм и институтов власти с общинными традициями варварской среды. В ходе этого процесса произошло слияние греческой верхушки полисов и местной знати, что усилило эллинизацию и содействовало проникновению эллинской культуры в варварскую среду. Благодаря взаимному влиянию греческих и местных традиций в экономике, политике, культуре, т.е. более чем за полвека до того периода в истории античности, который мы привыкли называть эллинистическим, в Северном Причерноморье образовались настоящие эллинистические государства⁵.

Эта концепция встретила как сторонников⁶, так и противников. В числе основных аргументов ее критиков выделяются следующие. Сложившаяся в первой половине – последней четверти IV в. до н.э. в Боспорском царстве ситуация была конкретно-историческим проявлением его развития, не свойственным понятию «эллинизм». Боспор развивался не как монархия, а как государство, в основе которого лежали полисные традиции. В V в. до н.э. во главе его встали тираны, ограничившие автономию полисов. Это привело к тому, что греческая часть жителей перестала быть их опорой, поэтому началось мирное присоединение варварской

³ Ростовцев 1918, 33–121; Rostovtzeff 1922, 61 ff.

⁴ Жебелёв 1953, 158.

⁵ Основные положения концепции, разработанные в различных статьях автора 1950–1960-х годов, изложены в издании: Блаватский 1985, 95–132.

⁶ Сокольский 1955, 199–204; Сокольский, Шелов, 1959, 61; Сокольский 1961, 123–136.

периферии. В результате греки и варвары оказались в равном положении как подданные тиранов⁷.

Критика теории «протоэллинизма» справедлива, поэтому большая часть исследователей от нее отказалась. Однако не так давно Э.Д. Фролов выступил с «оживлением» старой концепции, заменив понятие «протоэллинизм» на «предэллинизм». Сравнивая процессы социально-экономического и социально-политического развития государств Причерноморья и Сицилийской державы Дионисия Старшего и Дионисия Младшего, он пришел к выводу, что между ними много общего. Это переход «от ограниченного узкими рамками города и ближайшей сельской округи автономного полиса к государству державно-территориального типа», сохранение государствами полисной основы, но с включением в нее обширных анклавов местного населения, что делало их близкими эллинистическим монархиям. Подобные государства отличало сосуществование полисов и монархической формы власти, что являлось характерной чертой эллинистических царств⁸. Опираясь на эти положения, некоторые исследователи считают Боспор, Ольвию и Херсонес периода расцвета в IV – первой половине III в. до н.э. «территориальными» образованиями, которые перешагнули полисные рамки и перешли в разряд государств эллинистического типа, поскольку владели обширной хорой, населенной и обрабатываемой варварами.

В связи с этим цель нашего исследования – выяснить справедливость такой характеристики и выявить основные закономерности взаимодействия варваров и греков на примере античной Ольвии догетской эпохи. Здесь в результате планомерных и систематических археологических исследований накоплен значительный материал, который поможет решить эту задачу.

В конце VII – начале VI в. до н.э. в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье появились первые греческие колонии, из которых наиболее ранней являлся Борисфен (Березань). К этому времени регион не был плотно населен и не отличался разнообразием местных культур, что дало возможность колонистам-ионийцам осваивать земли и создавать сельские поселения на довольно обширном пространстве. Вскоре переселенцы стали активно торговать с оседлыми племенами лесостепной зоны в Поднепровье. В результате взаимовыгодного торгового обмена в Борисфене и на окрестных землях начали оседать группы выходцев из лесостепной зоны. Как считают некоторые исследователи, на Березани и на поселениях ее аграрной округи не без их влияния появились специфические для эллинов жилища – так называемые землянки круглой, овальной и четырехугольной формы, а впоследствии и полуземлянки⁹. Другим проявлением варваризации архаического греческого населения региона или эллинизации представителей местного населения из лесостепной зоны и даже из Карпато-Дунайского бассейна считают лепную керамику, которая имеет параллели на поселениях оседлого населения Поднепровья, Среднего Побужья, предгорий Карпат и даже Таврики¹⁰. Воздействие местного населения находят и в погребальном обряде жителей раннего Борисфена: это два погребения – одно труположение воина с якобы скифским мечом и золотыми украшениями в полусожженном склепе из тесаных деревянных брусев, а другое – кремация в яме с обожженными и обмазанными глиной стенками. К местным тра-

⁷ Шелов-Коведяев 1985, 182–186; 1985а, 320–333.

⁸ Фролов 1996, 56–58.

⁹ Соловьев 1995, 121–132.

¹⁰ Соловьев 1985, 31; Марченко 1988, 107–121; 2005, 62.

дициям относят и обряд скорченного труположения. В качестве доказательства воздействия местных культур на греческое население Нижнего Побужья приводится находка конской упряжи в скифском зверином стиле – остатки псалия и роговая пружка начала VI в. до н.э.¹¹

Свидетельства варваризации греков или эллинизации оседлых скифов крайне скудны. Освоение окрестностей Борисфениды осуществлялось преимущественно эллинами-ионийцами, при этом землянки и полуземлянки являлись одной из форм раннего домостроительства греков для проживания в местных условиях¹². Связывать же лепную керамику Березани и Ольвии исключительно с местным населением эпохи колонизации и развития полисных отношений нельзя. Большая ее часть действительно появилась под воздействием местных традиций населения Лесостепи предскифского и раннескифского времени, но хронологически она распределяется между XII–X (фракийский гальштат) и VIII–VII вв. до н.э. (поздний гальштат), т.е. относится еще к доколониационному времени. Она могла иметь отношение к догреческому поселению на месте Березани, которое к приходу греков-милетян исчезло¹³. С другой стороны, совершенно необъяснимо, почему население лесостепных городищ, куда поступал греческий импорт через Березань, Ольвию и поселения хоры в первой половине VI в. до н.э., должно было переселяться в окрестности греческой апойкии и вместе с греками осваивать новые пространства, занимаясь при этом тем же самым делом, которое было у него успешно налажено в прежних местах обитания.

Появление скифского оружия в березанском некрополе не может служить показателем широкого проникновения варваров в социальную структуру греческой колонии. Погребение № 371, где оно найдено, своеобразное и уникальное: к скифским чертам можно причислить меч у правого бедра и деревянный колчан с набором бронзовых стрел. Однако вещи из золота греческие, их изготавливали ремесленники, выходцы из Ионии, а что касается меча, то нигде не доказано, что он скифский¹⁴. Погребение в деревянном срубе – не доказательство исключительно местного влияния, так как это могли быть остатки саркофага или обыкновенного деревянного гроба. В Ольвии захоронения в деревянных конструкциях (саркофагах?) засвидетельствованы с последней четверти VI в. до н.э., в березанском некрополе погребения с деревянными перекрытиями и обшитыми досками полом и бортами могил относятся ко второй половине – последней четверти VI в. до н.э. Погребения в саркофагах из дерева и в деревянных гробах с исключительно греческим инвентарем известны в Пантикапее¹⁵. Остатки сожжения, очевидно кострища, являются следами эллинского погребального обряда, что свойственно многим погребениям некрополя Березани. Трупосожжения в яме – это типичный для ранней Березани обряд кремации¹⁶. Поэтому, даже если допустить, что в погребении № 371 был похоронен скиф, то его уникальность не доказывает массовое проникновение аборигенного населения в Борисфениду (Березань).

¹¹ Капошина 1956, 230; Мурзин 1984, 45; Марченко 2005, 63.

¹² Крыжицкий 1993, 41: жилища принадлежали грекам, но их тип был заимствован у населения лесостепи.

¹³ Лапин 1966, 57; Сенаторов 2005, 185; Зубарь, Сон 2007, 18.

¹⁴ Для архаических некрополей античных городов Северного Причерноморья погребения греков с оружием не редкость (Лапин 1966, 206–208; Зубарь, Сон 2007, 19).

¹⁵ Силантьева 1959, 26; Козуб 1987, 29; Сокольский 1971, 113, 120–123; ср. Сапрыкин, Федосеев 2010, 50.

¹⁶ Капошина 1956, 219–230; Зубарь, Сон 2007, 19.

Скорченность не является исключительно местной традицией погребального обряда, она засвидетельствована в других эллинских центрах Эгеиды и Причерноморья. Литейные формы для изготовления скифского оружия и украшений в зверином стиле, как и сами изделия подобного рода в Нижнем Побужье, главным образом в Ольвии, датируются более поздним временем и относятся к продукции греческих мастеров, которые работали на заказ представителей скифского населения степей¹⁷. Они, как и ионийская посуда на поселениях Лесостепи, не могут служить показателем варваризации греков Нижнего Побужья и эллинизации варваров в VI–V вв. до н.э., так как импортные греческие товары и изделия местных мастеров-эллинов попадали к населению в результате взаимовыгодного торгового обмена, а не этнических пристрастий. То же относится к бронзовым зеркалам, на которых встречаются изображения в зверином стиле. Их часто находят в погребениях скифского населения. Они изготавливались греческими мастерами в Ольвии и нередко встречаются в ее некрополе. Некоторое количество таких изделий, не находившее сбыта в скифской среде, использовалось греками в быту и погребальном обряде. Так что погребения березанского некрополя, трактуемые как захоронения местного населения, вряд ли принадлежали скифам или жителям Поднепровья. Березань и ее хора – исключительно греческие по характеру памятники, где воздействие местной этнической среды сводилось к минимуму¹⁸. Березань, а со второй четверти VI в. до н.э. и Ольвия развивались как типичные греческие структуры. Их становление происходило согласно процессам развития полиса, которые наблюдались в Элладе и Ионийской Греции, однако использование пространственного земледельческого ландшафта, не ограниченного рамками стенохории, являлось их характерной особенностью.

С середины VI в. до н.э. греки-борисфениты начинают осваивать сельскую территорию на левом берегу Березанского и правом берегу Днепро-Бугского лиманов. Расцвет Ольвии и ее хоры во второй половине VI – первой четверти V в. до н.э. был вызван урбанистическими процессами и прибытием новых переселенцев из Ионии, занимавших обширные земли в Нижнем Побужье. В это же время в окрестных степях стали появляться кочевые скифы. Одновременно в ольвийском некрополе фиксируются захоронения граждан с оружием (мечи, кинжалы, стрелы) скифского типа, подбойные могилы, скорченные костяки, элементы ритуального окрашивания¹⁹, что послужило основанием для определения таких погребений как принадлежавших скифам, проживавшим в полисе. В некрополе Ольвии конца VI – начала V в. до н.э. выделяются захоронения женщин с варварскими чертами. Их относят к представительницам Днепровской лесостепной зоны²⁰, и потому появилось предположение о межэтнических браках греков и представителей верхушки оседлых племен Лесостепи, где обитали скифы-земледельцы, от которых греки получали хлеб²¹. Это вероятно, но не исключено и то, что часть оседлого населения Лесостепи Днепровского Правобережья привлекалась для работы в городе и на хоре Ольвии. Косвенно об этом могут свидетельствовать находки лепной керамики²². Ольвийская лепная керамика VI–V вв. до н.э. имеет близкое сходство со скифской как в степной, так и в лесостепной зонах, однако ограничивается в

¹⁷ Капошина 1956а, 173–189; Островерхов 1981, 109; Сон 1987, 121–124.

¹⁸ Зубарь, Сон 2007, 19–25.

¹⁹ Капошина 1945, 26–30; 1950, 212; ср. Книпович 1956, 119.

²⁰ Бессонова 1991, 92–98.

²¹ Русяева 1994, 99; 1999, 84–97.

²² Марченко 2005, 93.

основном кухонной посудой, среди которой преобладают банкообразные сосуды, изготовленные в домашних условиях²³. Это говорит о незначительном количестве представителей скифской этнической среды в Ольвии. Тем не менее местные элементы в керамическом производстве Ольвии и Березани имеют параллели среди памятников лесостепного Приднепровья. Это результат межэтнических связей и торгово-экономических контактов. Появление в Ольвии выходцев из Днепровской лесостепной зоны могло быть вызвано гибелью тамошних городищ в V в. до н.э. в результате прихода новой волны скифских кочевников.

Захоронения с оружием, скорченники, подбойные могилы – это элементы не скифского, а греческого погребального обряда²⁴. Материал из некрополя Ольвии классического периода показывает решительное преобладание среди населения ионийских греков²⁵. Этот вывод подтверждается ономастикой: в Ольвии известно крайне незначительное количество иранских, точнее, скифских имен – Матасий, Игсампай, Скил, Эминак, Атак, Арих, Фарнабаз, Манес, Сагарис, Каландак. Из них Эминак и Арих засвидетельствованы как монетные магистраты полиса в середине V в. до н.э.²⁶ Их число немного возросло в V в. до н.э., но это могло быть вызвано расширявшимися взаимоотношениями со скифами. Некоторые представители скифского окружения Ольвии могли входить в состав зажиточного слоя горожан, но их было мало, поскольку скифы почти растворились в греческой среде²⁷.

Все перечисленные признаки скифского влияния в Ольвии длительное время объяснялись установлением скифского протектората. Его же считали главной причиной исчезновения сельских поселений хоры Ольвии в первой половине V в. до н.э. Однако в настоящее время собрано немало доказательств того, что это не связано со скифским протекторатом, а было вызвано приходом очередной волны скифов-кочевников²⁸. Власть скифских царей над греческими полисами установилась не в Нижнем Побужье, а в Нижнем Поднестровье, где в Никонии в самом начале V в. до н.э. царь Скил чеканил монету со своим именем²⁹. Этого Скила упоминает Геродот как единственного из царей скифов, который втайне от соплеменников проникал в Ольвию, где приобрел дом и жену-гречанку, участвовал в дионисийских обрядах, наряжаясь в эллинские одежды. Из рассказа греческого историка мы узнаем, что в Ольвии находились соглядатаи скифского царя, там же проживал Тимн, опекун царя скифов Ариапифа, отца Скила, родившегося от его жены-истриянки (Herod. IV. 76–78). История со Скилом показывает, что знатные скифы в начале V в. до н.э. опасались распространения эллинского образа жизни в своей среде, жестко осуждали и наказывали тех, кто его перенимал, пренебрегая запретами. Из «Истории» Геродота недвусмысленно следует, что скифского протектората над Ольвией в V в. до н.э. не было, иначе зачем было Скилу тайно пробираться в Ольвию. Скорее всего, между ольвиополитами и скифами существовали иные формы взаимоотношений, например, данничество, свойственноеномадам и их контактам с оседлым населением степи и лесостепи, а также греческими го-

²³ Капошина 1956а, 164–172.

²⁴ Скуднова 1960, 60; Папанова 2006, 90–93, 220; ср. Зубарь, Сон 2007, 41.

²⁵ Козуб 1974, 128.

²⁶ Виноградов 1981, 134; Виноградов, Доманский, Марченко 1988, 29–31. Существует предположение, что Эминак это малоазийское имя (Анохин 1989, 15–16; Зубарь, Сон 2007, 68), но это маловероятно – имя явно скифское (Яйленко 1980, 78).

²⁷ Виноградов 1981, 134.

²⁸ Крижицкий 2001, 21–35 = Крижицкий 2002, 208 сл.; Гречко 2011, 462.

²⁹ Загинало, Карышковский 1990, 3–15.

родами и их хорой. Скифы-кочевники или скифы царские лишь присутствовали в Нижнем Побужье, время от времени появляясь для сбора дани, а основные их кочевья находились восточнее Днестра. Часть царских скифов, общество которых было неоднородно вследствие деления на племенные союзы, концентрировалась в Нижнем Поднестровье, где утвердилась племенная группа во главе с Ариапифом и Скилом. Они использовали греческие города, прежде всего Никоний, для реализации излишков хлеба, полученных в виде дани, которую взимали с оседлого населения. Их влияние распространялось и на низовья Буга, однако Ольвия сохраняла самостоятельность. В отдельных местах на правом берегу Нижнего Буга (поселение Куцуруб 1) выделяются элементы фракийской культуры, но это могло быть связано с проникновением гетов из Нижнего или Среднего Приднестровья по причине усиления там в первой половине V в. до н.э. Скифского царства под властью Ариапифа и Скила. Так что проникновение аборигенов в Ольвию и на ее хору в означенное время не могло быть значительным и не оказывало существенного влияния на внутривоиспольное развитие.

В связи с вышеизложенным встает вопрос о местных племенах – непосредственных соседях ольвиополитов. Геродот, посетивший Ольвию в середине V в. до н.э., рассказывает о варварах, проживавших в ее окрестностях: ближе всего от «гавани борисфенитов (Ольвии. – С.С.) (она ведь находится в самой середине побережья всей Скифии) – от нее первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними – другое племя, которое называется ализоны. И они, и каллипиды во всех остальных занятиях подобны скифам, но в отличие от них хлеб они и сеют, и едят, а также лук, чеснок, чечевицу и просо». Живущие над ними скифы-пахари сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. Еще выше обитали невры, за которыми простиралась безлюдная земля, обращенная к северному ветру. «Это племена, обитающие вдоль по течению реки Гипаниса к западу от Борисфена», – завершает пассаж греческий историк (Herod. IV. 17).

Из этого сообщения следует, что каллипиды обитали западнее Днестра и севернее Ольвийского полиса по правому и частично левому берегу Гипаниса (Буга). Долгое время каллипидов считали населением сельской округи Ольвии или племенем, проживавшим в непосредственной близости от нее в районе Нижнего Побужья³⁰, т.е. эллинизированными скифами (хотя археологически эти поселения греческие). Их также причисляли к кочевникам или полукочевникам³¹ (хотя античная традиция называет каллипидов земледельцами), выходцам из кочевой и оседлой скифской среды. Предполагали даже, что это фракийцы или обитатели поселений Нижнего Поднестровья³² (хотя каллипиды – скифы и географически располагались в Нижнем Побужье). Наиболее популярными остаются две гипотезы. Первая – каллипиды смешанные греко-скифские обитатели хоры Ольвии в Нижнем Побужье или пришедшее туда местное мультиварварское население Северного Причерноморья, втянувшееся в культурную и экономическую жизнь Ольвии в качестве социально зависимых земледельцев³³. Вторая – это полукочевые племена, которые время от времени подкочевывали к греческим поселениям и

³⁰ Сокольский 1961, 127; Іллінська, Тереножкін 1971, 34; Яйленко 1983, 61.

³¹ Рыбаков 1979, 123–125; Отрешко 1981, 40; Мелюкова 1988, 18.

³² Мелюкова 1971, 54; против см. Русяева, Скржинская 1979, 33.

³³ Марченко 1983, 67–69; Яйленко 1983, 61; Braund 2007, 66: каллипиды обитали на побережье к югу, а не на берегу Буга к северу от города.

потому именовались «эллино-скифами»³⁴. Недавно появилось предположение, что каллипидам принадлежат скифские поселения по обеим сторонам Тилигульского лимана (в древности р. Асиак), коих известно сейчас более 10, но их было больше, так как эта часть территории затоплена или разрушена береговой абразией³⁵. Однако такая локализация каллипидов требует доказательств: во-первых, не ясна датировка этих памятников; во-вторых, район к западу от Ольвии и Березанского лимана, включая поселения Кошары, Лузановка, Жевахова Гора, с третьей четверти IV в. до н.э. находился во владении Ольвийского полиса и материальная культура тамошних поселений и их округа имеет близкое сходство с культурными традициями Ольвии и ее округа³⁶; и в-третьих, во времена Геродота каллипиды обитали по берегам Гипаниса, а реку Асиак как границу между алисонами и каллипидами упоминает только поздний автор Помпоний Мела (см. ниже).

Некоторые исследователи связывают с каллипидами курганные захоронения конца VI – первой половины V в. до н.э. в Нижнем Побужье – Солончаки (Аджигол), Матросовка, Лупарево, Прибугское, Ковалевка. Основываясь на богатстве инвентаря и скифских чертах погребенных (чешуйчатый панцирь, оружие, ориентировка, характер насыпей), эти погребения относят к скифам так называемой «локальной приольвийской группы», отождествляемой с каллипидами³⁷. Основным аргумент сторонников такой атрибуции – чешуйчатые панцири, однако они были в ходу и у греческих гоплитов³⁸, а скифское оружие использовали еще греки Борисфениды архаического времени (см. выше). На этом основании сторонники негреческой этнической принадлежности курганов выдвинули предположение об эллинизации скифского населения, обитавшего вблизи границ Ольвии и ее периферии, о взаимовлиянии кочевников степи и эллинов, о высоком имущественном статусе погребенных³⁹. Однако обращает на себя внимание преимущественно греческий характер погребального инвентаря, отсутствие в нем дорогих предметов, невысокие курганные насыпи, деревянные перекрытия, имитировавшие саркофаги, что характерно для ольвийского некрополя. Отсутствие деталей конской узды, захоронений коней, заупокойной пищи, вытянутое труположение головой на восток заставили исследователей поставить вопрос о близости этих курганов эллинскому населению ольвийской округи⁴⁰. Этническая атрибуция этих погребений дело будущего⁴¹, но если допустить, что они действительно скифские, то это может свидетельствовать только о проникновении в полис и на хору отдельных представителей населения степной зоны.

Сложность проблемы в том, что Геродот считает каллипидов оседлыми земледельцами, а это не подтверждается археологией. «Отец истории» недвусмысленно

³⁴ Всю литературу вопроса до 1982 г. см. Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 224–226; Нейхардт 1982, 96–100; Марченко 1983, 67; Мелюкова 1988, 18, 19; Марченко 2005, 97; Отрешко 2009, 28–37.

³⁵ Иевлев 2009, 48–49.

³⁶ Отрешко, Буйских 1993, 63–64; Зубарь, Сон 2007, 93. Ранее ошибочно считали, что этот регион находился под контролем кочевников (Крыжицкий и др. 1999, 192–193).

³⁷ Мурзин 1984, 43, 44; Гребенников, Фридман 1985, 91–92; Черненко и др. 1986, 17, 221, № 63: три курганные группы, 14 погребений, из них 11 скифских VI–IV вв. до н.э.; Зубарь, Сон 2007, 58; Гречко 2010, 116–121.

³⁸ Connolly 1981, 57–58.

³⁹ Зубарь, Сон 2007, 58; ср. Марченко 1999, 164.

⁴⁰ Снытко, Смирнов, Липавский 1989, 47–48.

⁴¹ Буйских 2005, 181.

дает понять, что каллипиды обитали не в пределах «эмпория борисфенитов», т.е. не на территории Ольвии и ее хоры⁴², а на определенном от нее расстоянии. Однако памятников материальной культуры оседлого населения в степной зоне по берегам Нижнего Днепра и Нижнего Побужья в позднеархаическую эпоху не обнаружено. Если предполагать, что каллипиды вели полукочевой образ жизни⁴³, то индикатором должны служить курганные погребения. В степной зоне Северного Причерноморья известно чуть более 100 скифских погребений VII – первой трети V в. до н.э., тогда как погребений IV–III вв. до н.э. засвидетельствовано более 1500. В предполагаемой зоне проживания каллипидов обязательные для кочевого или полукочевого населения скифские курганные погребения в основном датируются IV–III вв. до н.э.⁴⁴ В то же время в Николаевской области фиксируются погребения VI–V вв. до н.э. (Бугское, Константиновка, Отрадное, Ковалевка, Новорозановка и др.). Погребения второй половины VII – начала V в. до н.э. известны в Лесостепи, при этом памятников конца VI – V в. до н.э. в пять раз больше, чем комплексов VII – начала VI в. до н.э. Они располагаются в основном в Нижнем Поднепровье, где кочевники могли хоронить усопших, так как там находились их зимние и летние стойбища⁴⁵. В то время, когда Геродот побывал в Ольвии, ее хоры в том виде, в каком она существовала раньше, уже не было. Поэтому говорить о каллипидах, которые получили второе название «эллино-скифы» от того, что регулярно кочевали поблизости от греческих поселений ольвийской сельской округи, в корне неправильно.

Для понимания ситуации в районах севернее Ольвии в связи с локализацией каллипидов проанализируем часть вышеприведенного пассажа Геродота (IV. 17), где говорится о месте их проживания: Ἄπὸ Βορυσθευϊτέων ἐμπορίου (τοῦτο γὰρ τῶν παραθαλασσίων μεσαίτατόν ἐστι λάσης τῆς Σκυθίας), ἀπὸ τούτου πρῶτοι Καλλιπίδαί νεμόνται ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι ... – «От гавани (эмпория. – С.С.) борисфенитов (она ведь находится в самой середине побережья всей Скифии) – от нее первыми обитают каллипиды, которые являются эллино-скифами». В данной фразе три пункта вызывают вопросы. В начале предлог ἀπὸ – «от» как бы поясняет, что каллипиды первыми проживают от эмпория Борисфениды (Ольвии), затем разъясняется, где находится этот эмпорий, а далее с использованием того же предлога опять поясняется – «от него». Получается какая-то тавтология: впечатление такое, что здесь что-то пропущено, поэтому редакторам рукописного текста историка пришлось взять в скобки объяснение, что эмпорий борисфенитов находится

⁴² Даже если под «эмпорием борисфенитов» понимать поселение на острове Березань, входившее в состав Ольвийского государства.

⁴³ Русяева, Скржинская 1979, 35; Отрешко 1981, 40 = Отрешко 2009, 36; Мелюкова 1988, 18; Степи европейской части СССР. 1989, 45. Ср. Граков 1971, 61, который считал земледельческие племена полукочевыми.

⁴⁴ А.С. Русяева и М.В. Скржинская предположили, что ареал обитания каллипидов очерчивается территорией от совр. г. Николаева и несколько выше Новой Одессы, в западной части ниже до с. Каменки, между Бугом и Днепром до Херсона (Русяева, Скржинская 1979, 34). Они ссылались на находившиеся там курганы и курганные группы, якобы относящиеся к V–III вв. до н.э. Однако они надежно датируются исключительно IV–III вв. до н.э. (см. АО 1977, 400, 401; АО 1978, 421, 422; Черненко др. 1986, 70 сл.). Существует мнение, что эти погребения принадлежали ализнам (Ковпаненко, Бунятян 1978, 149).

⁴⁵ Мурзин 1984, 40–47; Черненко и др. 1986, 61 сл.; Мелюкова 1988, 19–20. Ср. скифское погребение второй четверти – середины V в. до н.э. на левом берегу р. Ингулец в районе Васильевки (Гребенников, Ребедаило 1991, 117–122).

в центре побережья всей Скифии. Это уже необычно – даже если опустить скобки, все равно не оставляет мысль, что после пояснения о местоположении Борисфениды пропущен (или сокращен) какой-то текст, относившийся к описанию Скифии. А далее излагался парафраз о том, что «от него», т.е. от того места в Скифии, которое предположительно из текста выпало, первыми обитали каллипиды⁴⁶. В таком случае, по крайней мере ко времени Геродота, они жили не вблизи Ольвии, где их следов не обнаружено, а на расстоянии от какого-то иного места в Скифии, о котором говорилось в пропущенном тексте.

Возникает трудность и с выражением ἑόντες Ἑλληνες Σκύθαι. Со времен А. Бека и В.В. Латышева каллипидов считали эллино-скифами и связывали с миксэллинами ольвийских почетных декретов в честь Анфестерия и Протогена середины – второй половины III в. до н.э. (о них ниже)⁴⁷. Поэтому под «эллино-скифами» Геродота понимали смешанное эллино-скифское население, сложившееся в результате межэтнических браков на основе эллинизации, т.е. приобщения к эллинской культуре. На этом основании делался вывод, что каллипиды – эллинизированные скифы или просто географическое понятие, возникшее по причине проживания греков и скифов на одной территории на хоре Ольвии. Однако этому, как говорилось, противоречит облик материальной и духовной культуры населения сельской округи Ольвии. Греческая культура и образ жизни там всегда оставались господствующими. Отдельные варварские черты позволяют говорить лишь о частично смешанном характере населения при почти полном преобладании этнических эллинов⁴⁸.

П.И. Люперсольский отмечал, что эллино-скифы – эллинизированные скифы, а миксэллины – смешанное греко-варварское население. Поэтому, учитывая археологические реалии ольвийской сельской округи, связь миксэллинов с каллипидами (эллино-скифами) Геродота неправомерна⁴⁹. Диодор употребляет понятие «эллино-галаты» (Ἑλληνογαλάται), поясняя, что они так назывались по причине смешения с греками (Diod. V. 32. 5). Если бы Геродотовы Ἑλληνες Σκύθαι относились к смешанному греко-скифскому населению или просто к эллинизированным скифам, то этнический термин писался бы Ἑλληνοσκύθαι, подобно Диодоровым Ἑλληνογαλάται⁵⁰. Однако у «отца истории» стоит четкое определение «эллины скифы», где недвусмысленно подразумевается союз καί, который связывал два этника в именительном падеже множественного числа. В таком случае под «эллино-скифами», а точнее «эллинами» (и) «скифами», следует подразумевать греков, которые жили среди скифов, т.е. в скифской земле – там, где проживали

⁴⁶ О пропусках и сделанных позднейшими редакторами неоднократных вставках, заменах слов, искусственных их изъятиях, пояснениях и интерполяциях в тексте Геродота, включая IV книгу, см. Bravo 2000, 27–111.

⁴⁷ Латышев 1887, 17–19; Славин 1951, 10; Каллистов 1952, 82; Штителъман 1954, 105; Граков 1954, 27; Ельницкий 1961, 85; Яйленко 1983, 61.

⁴⁸ Изучение периферийных могильников показало их полную идентичность с некрополем Ольвии, позволив сделать вывод о неварварском происхождении погребенных (Буйских, Нікітін 1988, 89; Снытко 1990, 17; Зубарь, Сон 2007, 108). В некрополе Ольвии зафиксировано всего шесть могил с погребениями скифского типа второй четверти – второй половины VI в. до н.э. (Полін 1987, 27; Алексеев 2003, 154–155).

⁴⁹ Последнее убедительно доказано (Люперсольский 1884, 66; Шафранская 1956, 47–48) и принято в науке (Виноградов 1984, 66–67; Крыжицкий и др. 1999, 420; Зубарь, Сон 2007, 132; Braund 2007, 66).

⁵⁰ Ср. также термин Ἑλληνοεμίται в египетских папирусах III в. до н.э., который обозначал смешанное население греков и египтян – жителей города Мемфиса (LSJ. s.v.).

каллипиды, скифское племя. Этот нюанс уловил А.Д. Годли, который перевел соответствующий пассаж Геродота как «каллипиды, которые являются скифскими греками»⁵¹. При всей условности (если не сказать больше) такого перевода смысл фразы схвачен в целом правильно – речь, вне сомнения, идет о том, что в глубине скифской земли на небольшом расстоянии от некоего географического пункта (о нем, по-видимому, говорилось в утраченном пассаже Геродота) обитали греки и скифы.

В каком же районе Скифии проживали эти так называемые «эллины» или «скифские греки»? Его помогает вычислить расположение племен, о которых в Геродотовом тексте рассказывается после упоминания о каллипидах: «...над ними – другое племя, которое называется ализоны... Над ализонами живут скифы-пахари... Выше этих живут невры»; всех их отличало занятие земледелием (IV. 17). Страбон сообщает: «Некоторые писатели, изменяя гомеровский текст, пишут “алазонов”, другие – “амазонок”, слова же “из Алибы” изменяют на “из Алопы” или “из Алобы”, называя скифов, что живут над Борисфеном, “алазонами” и “каллипидами” и другими именами (которые нам наболтали Гелланик, Геродот и Евдокс)...» (Strabo. XII. 3. 21). Помпоний Мела (II. 1. 7), опиравшийся на достаточно раннюю греческую традицию, утверждал, что владения каллипидов омываются рекой Гипанисом (Бугом), а р. Асиак (Аксиак, совр. Тилигул) разделяла каллипидов и асиаков. Из античных авторов только Геродот именуется каллипидов «эллинами скифами», остальные употребляют обозначение «каллипиды», называя их скифами⁵². Если вспомнить, что Геродот определяет каллипидов как «во всех остальных занятиях подобных скифам», а логографы путали ализонов, по образу жизни и хозяйству близких каллипидам, с амазонками, то напрашивается вывод – до Геродота эти племена являлись кочевыми, подобно большинству скифов. Вот почему догеродотова традиция называла каллипидов скифами (а не эллинами-скифами). На это же указывает этноним «каллипиды», означающий «прекрасноконные», что выдает их кочевой образ жизни и занятия скотоводством, т.е. выращиванием коней, свойственным кочевникам-скифам. В таком случае находит объяснение отсутствие в степной зоне по обоим берегам Гипаниса, где жили каллипиды, массовых скифских курганных погребений конца VI – начала V в. до н.э. (хотя отдельные курганы могли им принадлежать).

Однако Геродот говорит далее, что каллипиды и ализоны в отличие от скифов (очевидно, кочевых) сеют и употребляют в пищу хлеб, лук, чеснок, чечевицу и просо, т.е. занимаются оседлым земледелием; и при этом каллипиды – «эллины (и) скифы», которые, как мы указали, проживали первыми не от эмпория борисфенитов (Ольвии), а от какого-то места в Скифии вдоль по течению реки Гипаниса к западу от Борисфена. Они соседствовали с ализонами, территория которых включала область, где реки Днестр и Буг ближе всего подходили друг к другу, и на севере граничила с племенами Лесостепи (как считается в районе совр. Первомайска, см. Herod. IV. 52, 81). Скифов-пахарей, которые возделывали хлеб на продажу грекам, Геродот помещает выше каллипидов и ализонов, поэтому их локализуют в лесостепной зоне

⁵¹ Godley 1971, 217.

⁵² М.И. Ростовцев подметил, что встречающееся у авторов римской эпохи название реки Асиак, которого нет у Геродота и других греческих писателей, является отражением этно-географической ситуации в регионе, заимствованной из источника позднее Геродота (Rostowzew 1931, 44; Подосинов, Скржинская 2011, 116). В то же время описание местоположения каллипидов, близкое Геродотовому, выдает архаический в своей основе первоисточник Мелы, хронологически примыкавший к «Истории» Геродота (Ростовцев 1925, 46). Поэтому вполне вероятно, что со временем границы расселения каллипидов изменялись.

Северного Причерноморья⁵³. Занятию ализонов и каллипидов оседлым земледелием противоречит полное отсутствие стационарных поселений в степи к северу от Ольвии и ее хоры. Но, если допустить, что каллипиды и ализоны жили не вблизи Ольвии, а севернее какого-то пункта в Скифии, то территория их оседлости, где они стали выращивать хлеб и употреблять его в пищу подобно скифам-пахарям лесостепной зоны, могла попадать в район Лесостепи⁵⁴. В таком случае каллипиды и ализоны, во второй половине VI в. и в самом начале V в. до н.э. кочевавшие в степях чуть выше излучины Бугского лимана и р. Тилигул на западе до правобережья Днепра на востоке и области скифов-пахарей в Лесостепи на севере, ко времени Геродота, т.е. к середине – третьей четверти V в. до н.э., переместились в Лесостепь, где осели и занялись выращиванием хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Вот почему у Геродота в отличие от логографов и ионийских географов, на которых опирался Помпоний Мела, ничего не говорится об Асиаке как западной границе каллипидов. В таком случае под «эллинами (и) скифами»-каллипидами могли подразумеваться греки и бывшие скифские кочевники, оказавшиеся в лесостепной зоне.

Здесь к западу от Днепра (Борисфена), в междуречье Южного Буга и Днепра, концентрируются многочисленные городища, поселения и курганы, объединяемые в Днепровскую Правобережную и Побужскую группы лесостепных памятников. Именно в этом месте они плотно расположены в пределах определенной территории в сравнении с прочими аналогичными памятниками скифообразной лесостепной культуры VII–III вв. до н.э. В конце VII – начале VI в. до н.э. в приграничной с Лесостепью зоне появились сильно укрепленные городища. После того, как скифские племена пришли в междуречье Дона и Днестра, население Лесостепи вступило с ними в тесные отношения. В результате внеэкономического принуждения и господствующего положения царских скифов с первой половины VI в. до н.э. оседлые земледельцы-«пахари» были вынуждены платить им дань. Именно тогда скифы-пахари начали активно сеять хлеб на продажу и не без посредничества кочевников его покупали греческие купцы. В VI – первой половине V в. до н.э. на многих поселениях Лесостепи наблюдался расцвет, связанный с интенсивностью жизни, формированием городищ, активизацией сельского хозяйства, ремесла и скотоводства⁵⁵. Это совпало с перемещением каллипидов и ализонов, бывших кочевников, на север к Лесостепи в связи с появлением с востока во второй половине VI в. до н.э. в Северном Причерноморье новых групп кочевых скифов. После одержанной в середине последней четверти VI в. до н.э. над персами Дария I знаменательной для всей Скифии победы влияние царских скифов усилилось, возросли потребности знати, что стимулировало их экспансию. Скифы совершили походы во Фракию и на север Балканского полуострова, увеличилось их давление на Лесостепь⁵⁶ с целью упрочить зависимость местного оседлого

⁵³ Либеров 1951, 178; Іллінська, Тереножкін 1971, 34; Артамонов 1974, 94; Рыбаков 1979, 127–144; Степи европейской части СССР, 45; Мелюкова 1988, 17–25.

⁵⁴ Идею, что каллипиды обитали в центре Скифии, высказывал Б.А. Рыбаков, полагая, что это изначально кочевое население, попав в зависимость от царских скифов, стало оседлым (Рыбаков 1979, 123–125).

⁵⁵ Степи европейской части СССР 1989, 67–80; Іллінська, Тереножкін 1971, 75 сл.; Ильинская, Тереножкин 1983, 230–265.

⁵⁶ Алексеев 2003, 164–165, 194–207. Свидетельством проникновения новых скифских влияний в Лесостепь является Стеблевский могильник в Поросье, датированный ок. 500–350 гг. до н.э. (Скорый 1997, 10 сл.). Б.А. Рыбаков подметил, что каллипиды не упоминаются среди племен степи во время похода Дария I в Скифию (Рыбаков 1979, 125). Очевидно, к концу VI в. до н.э. они переместились ближе к Лесостепи.

населения как данников. Последнее могло побудить бывших полукочевников или кочевников каллипидов и ализонов, попавших в зависимость к царским скифам, интенсивнее оседать на земле и заняться выращиванием злаковых.

Изменения в Скифии отразились и на отношениях греков, степных скифов и жителей Лесостепи. Они нарушились, хора Ольвии резко сократилась, вследствие чего одна часть ее населения переместилась в город, а другая вместе с греческими эмпорами, торговавшими с оседлыми скифами, передвинулась на поселения Лесостепи, которые она хорошо знала и длительное время поддерживала связи с их обитателями. О пребывании греков в лесостепной зоне говорит Геродот (IV. 108), описывая город Гелон (Бельское городище?): «Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллинически деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое иступление. Ведь гелоны в древности – это эллины, которые покинули гавани (эмпории. – С.С.) и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»⁵⁷. Об использовании греческого языка на поселениях и городищах лесостепной зоны свидетельствуют граффити на посуде. Это посвящения Аполлону Врачу и Дельфинию, начертанное на чернолаковом килике середины V в. до н.э. из с. Журовка⁵⁸. На Немировском городище обнаружено граффито, начертанное милетским или самосским шрифтом на сосуде не позднее середины VI в. до н.э.⁵⁹ Вполне возможно, что их оставили ольвиополиты или выходцы из Ионии, попавшие в Скифию через Ольвию или Березань. Косвенно на это указывают некоторые скифские погребения в Лесостепи, инвентарь которых близок ряду захоронений ольвийского некрополя второй половины VI в. до н.э.⁶⁰ В некоторых лесостепных курганах, например, близ с. Яблоновка, встречаются трупосожжения в урнах – бронзовых сосудах и античных вазах V в. до н.э.⁶¹, что может служить доказательством присутствия греков и подтверждать связи Ольвии с лесостепной зоной. Некоторые варианты скифского звериного стиля в Лесостепи имеют отголоски в ионийской традиции, в частности, в похожем стиле выполнены литейные формы для производства зооморфных изображений с хоры Ольвии и Березани⁶². При раскопках лесостепного Мотронинского городища был найден сероглиняный сосуд с округлым шаровидным туловом, напоминающий сосуда из ольвийского некрополя конца VI в. до н.э. Там же обнаружены фрагменты греческих амфор и скифоса второй половины этого столетия – первой четверти V в. до н.э.⁶³

Обобщая итоги археологического изучения городища, С.С. Бессонова и С.А. Скорый отмечают, что архаический комплекс керамики там резко меняется в конце VI –

⁵⁷ На Бельском городище обнаружена огромная (до 10 000 образцов) коллекция фрагментов античной керамики VII–IV вв. до н.э., остатки культовой наземной постройки с деревянными колоннами и культовые лепные фигурки греческих богов, в том числе круга дионисийских (Шрамко 1987, 127–137, 156–163; Шрамко 1996, 76–85), что подтверждает сообщение Геродота о пребывании там греков (Блаватская 1986, 22 сл.; Русяева 1999, 95).

⁵⁸ Толстой 1905, 46; Онайко 1966, 27, табл. 8; Яйленко 1980а, 89, прим. 78.

⁵⁹ Граков 1959, 259–261.

⁶⁰ Алексеев 2003, 155.

⁶¹ Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 39; Русяева 1999, 93.

⁶² Зуев 1993, 43; Русяева 1999, 96. В журовских курганах V в. до н.э. бронзовые бляшки в виде орлиных головок и головки на золотом налобнике соответствуют литейным формам из Ольвии; на связь с Ольвией указывают и бронзовые зеркала (Ильинская, Тереножкин 1983, 238, 249–250).

⁶³ Скорый, Бессонова 1996, 229–231.

начале V в. до н.э.: появляется разнообразная столовая посуда ольвийского производства или происходящая с поселений Нижнего Побужья. Она была изготовлена на гончарном круге и вручную с доводкой на медленно вращающемся круге. Ольвийское влияние прослеживается в типологии жилищ и их конструкции, в планировке застроенных участков городища, в деталях интерьера, устройстве печей. По мнению исследователей, это может свидетельствовать о пребывании здесь каких-то групп этнически разнородного населения Нижнего Побужья, о принадлежности обитателей одной историко-культурной зоне с общими традициями домостроительства и тесной общностью исторических судеб. А поступление античного импорта по составу и по времени совпадает с ситуацией, которая в этот период сложилась на территории от Нижнего Поднестровья до Северо-Восточного Причерноморья⁶⁴.

Отличительной чертой материальной культуры населения Лесостепи, особенно городищ Бельского, Немировского, Трахтемировского, поселений в районе Жаботина, является обилие греческой керамики, которая начала поступать в Днепро-Правобережье и Среднее Побужье со второй половины VII в. до н.э. Это родосско-ионийские сосуды, столовая посуда (диносы, чаши, ойнохой), многочисленная амфорная тара из Хиоса, с Лесбоса. Массовый ввоз греческой посуды и товаров в амфорах пришелся на вторую половину VI в. и продолжался в первой четверти V в. до н.э., охватывая всю днепровскую Лесостепь⁶⁵. Античная керамика с лесостепных городищ во второй половине VI – V в. до н.э., гораздо более разнообразна, нежели в конце VII – первой половине VI в. до н.э., и количество ее резко уменьшается, когда по всей степной Скифии греческий импорт увеличивается. Это могло быть вызвано активизацией торговых связей с прибрежными городами Борисфеном и Ольвией по причине пребывания в глубине Скифии некоторого количества греческого населения⁶⁶. Во второй половине VI – V в. до н.э. на городищах Лесостепи наблюдался демографический подъем, вызванный прибытием новых групп населения. Можно согласиться с А.С. Русяевой, что появление греческих изделий за сотни километров от приморской зоны было следствием не столько взаимного торгового обмена, сколько результатом непосредственного пребывания греческого населения в лесостепной зоне в VII–V вв. до н.э. Любопытной кажется и мысль В.П. Яйленко: каллипиды – эллино-скифы или миксэллины – представляли собой население ольвийской хоры архаической эпохи, удалившееся на Гипанис выше Бугского лимана в связи с редукцией хоры в первой половине V в. до н.э.⁶⁷ Однако говорить о смешанном населении греков и скифов (или этноса близкого скифам), а тем более об ассимиляции последних эллинами не представляется возможным. Греки обитали среди варваров Лесостепи как самостоятельное население со своими традициями и обычаями. Но их образ жизни и верования оказывали влияние на местных обитателей городищ и поселений, в частности на ритуальную практику⁶⁸.

⁶⁴ Бессонова, Скорый 2001, 125.

⁶⁵ Онайко 1966, 15–61; Петренко 1967, 12; Копейкина 1986, 28; Смирнова 1996, 192–194; Степи европейской части СССР 1989, 71; Мелюкова 1988, 23; Вахтина 1993, 54; 1996, 85–93; 1998, 122–139.

⁶⁶ Онайко 1966, 56 сл.; Ильинская, Тереножкин 1983, 264; Вахтина 1993, 53–54.

⁶⁷ Яйленко 1983, 61. Критику отождествления каллипидов и миксэллинов, а также идеи о переселении их в район к северу от лимана см. выше. Однако факт возможного переселения греков с быстро сокращавшейся в размерах хоры Ольвии заслуживает внимания.

⁶⁸ На Трахтемировском городище в полуземлянке-святилище были обнаружены греческие сосуды, которые лежали на жертвеннике (Ковпаненко 1967, 104).

Таким образом, эллино-скифские черты каллипидов, о которых повествует Геродот, попали в поле его внимания в связи с пребыванием эллинов в лесостепной зоне. Они появились там вследствие этно-политических изменений в степных районах Нижнего Побужья, когда под давлением кочевых или полукочевых скифского населения и обитатели ольвийской хоры вместе с греками, осуществлявшими торговлю с Лесостепью, вынужденно переселилась в отдаленные районы хинтерланда и там осела, поскольку сельская округа Ольвии сократилась. Пребывание греков в Лесостепи, как и увеличение там оседлого земледельческого населения, оживили традиционный торговый обмен греков со скифами-пахарями и скифами-земледельцами. С приходом новых кочевников с востока связано постепенное прекращение жизни на крупных городищах Лесостепи Немировском, Бельском, Пастырском, Трахтемировском. В конце V в. до н.э. на Нижнем Днепре появилось скифское Каменское городище, большинство других поселений оседлых скифов начинает активно функционировать в начале IV в. до н.э. Одновременно возобновилась жизнь на хоре Ольвии, территория которой расширилась⁶⁹.

Вернемся, однако, к миксэллинам. Их упоминают декреты в честь Протогена и Анфестерия, в которых рассказывается о событиях в Ольвии во второй половине III и на рубеже III–II вв. до н.э.⁷⁰ В первом из них говорится: «... в стране случилось много и других печальных событий, все ойкеты и населяющие предгорные районы миксэллины, числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были соращены врагами...» (IOSPE I². 32B. 15–20). В сильно испорченном при вторичном использовании плиты тексте декрета в честь Анфестерия о миксэллинах сказано следующее (дополнения Ю.Г. Виноградова): «Когда (должна была разразиться война) и в сжатые сроки возникла (немалая) потребность в (военных силах) миксэллинов, (он дал деньги), на которые нам оказалось возможным (отправить дары как можно быстрее) некоторым (из их предводителей, кои, сражаясь как союзники) за (наше спасение, все) сделали полезное (для народа)».

Существуют различные трактовки, объяснения и предположения, кого считать миксэллинами. Одной из наиболее популярных является точка зрения, что это смешанное греко-варварское полузависимое или зависимое от полиса население типа катэков, которые в мирное время занимались сельским хозяйством, а в военную годину защищали границы Ольвии и ее хоры⁷¹. После реколонизации сельской периферии Ольвии в начале IV в. до н.э. этот греко-варварский контингент обитателей обширных регионов плодородной земли по Гипанису и Днепру вошел в состав населения новой аграрной округи полиса под условным названием миксэллинов, заселив так называемую «дальнюю» хору. В настоящее время общепризнано, что проникновение в V в. до н.э. в Ольвию местных варварских элементов не оказа-

⁶⁹ Граков 1954, 55; Былкова 2007, 109–117.

⁷⁰ Из всех датировок декрета в честь Протогена наиболее обоснованны предложенные Т.Н. Книпович и П.О. Карышковским: конец III – начало II в. до н.э. (Книпович 1966, 142–149; Карышковский 1968, 95–105; ср. Виноградов 1989, 182).

⁷¹ Виноградов 1984, 65–67; 1989, 183; Молев 2003, 89; Марченко 2005, 134; Braund 2007, 66–67. Ср. Каллистов 1952, 84: миксэллины являлись самой низшей социальной группой населения полиса; Шафранская 1956, 37–48: неполноправная группа населения, использовавшаяся как наемники; Отрешко 1980, 40–42; 2009а, 59: зависимое население – обитатели коллективных усадеб ольвийской хоры из отпущенных на волю рабов после Зопирионовой осады полиса; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 148: миксэллины не варварское племя, а смешанное эллинизированное население, занимавшее промежуточное положение между рабами и иностранцами-ксенами; Крыжицкий и др. 1999, 420.

ло серьезного влияние на греческие устои полисной жизни. Поэтому, развивая традиционное понимание миксэллинов как зависимого военно-земледельческого населения ольвийского пограничья, некоторые исследователи предполагают, что это выходцы из разных городов Ионии или даже всей Малой Азии, осевшие в Нижнем Поднепровье в ходе реколонизации хоры полиса в начале IV в. до н.э. специально для охраны пограничных рубежей. Они якобы занимали районы, простиравшиеся от устья Тилигульского лимана до Одесского залива, и даже земли в Нижнем Поднепровье. В качестве обоснования этой точки зрения приводится тезис, что на левобережье Бугского лимана и в устье Днепра сельские поселения существовали до второй половины III в. и начала II в. до н.э., тогда как поселения к северу и западу от Ольвии погибли на рубеже второй – третьей четверти III в. до н.э. Для объяснения союзничества миксэллинов и Ольвии делается сомнительное заключение, что поселения в устье Днепра официально не входили в состав хоры Ольвии, а находились лишь в сфере ее интересов⁷².

Как видим, исследователи единодушны в том, что миксэллины обитали на хоре Ольвии. Поэтому они пытаются примирить друг с другом археологические реалии и свидетельства надписей о миксэллинах. Возрождение ольвийской хоры в последней трети V – первой четверти IV в. до н.э. связывается с дальнейшим процессом развития полиса и в том числе с оседанием на земле части обедневших кочевников-скифов, плативших дань царским скифам. По мнению некоторых ученых, скифы заняли земли не только на полисной хоре, но и за ее пределами в непосредственной близости от ее границ. На это, по их мнению, указывает возникновение неукрепленных скифских городищ в Нижнем Поднепровье (и, возможно, по берегам Тилигульского лимана), поскольку скифская аристократическая верхушка была заинтересована в аграрных ресурсах земель, примыкавших к ольвийской хоре⁷³.

В доказательство появления скифов на хоре Ольвии обычно приводят земляночные и полуземляночные жилища, находки лепной керамики, неукрепленный характер поселений. Однако появление земляночных и полуземляночных жилищ было вызвано не притоком варваров, а доступностью такого жилья широким слоям с низким имущественным положением в полисе на первом этапе реколонизации хоры. На протяжении IV в. до н.э., но особенно в последней четверти IV – первой четверти III в. до н.э., сельская округа Ольвии достигла наибольшего размера. В это время там существовали размежеванные земельные участки и различные типы поселений – сельские усадьбы (Закисова Балка, Широкая Балка), квадратные в плане индивидуальные сельские усадьбы, сельские поселения типа Лузановки или Кошар, которые внешне напоминали коллективные усадьбы, настоящие коллективные усадьбы (Дидова Хата 1 и 2), а также поселения с примыкавшими к ним отдельно стоящими усадьбами (так называемые «агломерации»). Часть земли принадлежала полноправным гражданам, владевшим индивидуальными усадьбами, а другая часть находилась во владении или аренде смешанного населения, в котором преобладал греческий этнический компонент. Об этом свидетельствуют погребения на хоре, например, некрополь IV – начала III в. до н.э. Лагерная Коса в западной части ольвийской сельской округи, который принадлежал поселению

⁷² Снытко 1994, 175–177; 2011а, 461–468; 2011б, 464–471; 2011в, 22–30; ср. Зубарь, Сон 2007, 131–133. Эта точка зрения обосновывается тем, что исконной полисной территорией Ольвии в IV в. до н.э. являлась исключительно прибрежная зона Бугского, Березанского и Днепровского лиманов, где компактно располагались сельские коллективные и индивидуальные усадьбы (Буйских 1997, 16–19).

⁷³ Марченко 2005, 117; Зубарь, Сон 2007, 72.

Малая Черноморка IV и считается греческим⁷⁴. В то же время в некрополе поселения Кошары проявляются черты погребального обряда скифов, что может свидетельствовать о проникновении на хору некоторого количества местного населения. Черты скифского погребального обряда, лепная керамика на коллективных усадьбах, их «казарменная» планировка, варварские имена позволили выдвинуть предположение, что часть обитателей сельской округи Ольвии занималась сельским хозяйством и военным делом. На этом основании прямоугольные в плане сельские усадьбы коллективного типа, а также сельские поселения – комы, возникшие на хоре в позднеклассическую и раннеэллинистическую эпохи, приписываются миксэллинам – осевшим на земле скифам, смешавшимся с греками-переселенцами из Ольвии и других греческих центров. Это были зависимые и полузависимые от полисной общины группы земледельческого населения типа илотов, которые платили Ольвии дань (форос, синтаксис)⁷⁵.

Однако большая часть этих положений не соответствует действительности. Изучение поселений рубежа V–IV вв. – первой четверти III в. до н.э. в устье Тилигула и на правом берегу в Нижнем Поднепровье убедительно показывает, что эти земли составляли часть так называемой «большой» или «дальней» хоры Ольвии, заселенной преимущественно греками-ольвиополитами в ходе расширения сельской округи полиса. Весь облик материальной культуры, терракоты, монеты, граффити указывают на то, что данная территория находилась под юрисдикцией Ольвийского полиса⁷⁶. «Дальняя» хора – типичная черта крупного полиса, где проживало полузависимое или просто зависимое население⁷⁷. Против гипотезы о миксэллинах как смешанном эллинском населении свидетельствует и то, что понятие «миксэллины» относилось к варварам, которые впитали традиции и обычаи эллинов (в отличие от термина «миксварвары», вышедшего из обращения к середине III в. до н.э. и обозначающего варваризованных греков, т.е. неварваров)⁷⁸.

Вызывает сомнение определение миксэллинов как катэков или илотов. Совершенно невозможно примирить утверждение об охране миксэллинами хоры полиса (или его границ) в качестве зависимого от него населения с тезисом о том, что земли в устье Днепра, где иногда локализуют их поселения, не находились во владении ольвиополитов. В эллинистических государствах клерухи и катэки проживали на царских землях и платили форос и налоги в царскую казну, поскольку подчинялись непосредственно царю и его наместникам. В Спарте илотия как форма поземельной зависимости действительно имела полисные истоки и соответствовала характеру полисных отношений, но она возникла в результате завоевания дорийцами потомков ахейского населения, традиционно сохранявшего общинное устройство. То же произошло в Гераклее Понтийской, окрестное население которой – мариандины – попали к ней в зависимость в результате прямого завоевания. Поэтому в Спарте и Гераклее местное зависимое население не являлось катэками. В Ольвии же, типичном полисном государстве, никакого завоевания окрестных

⁷⁴ Буйських, Нікітін 1988, 89.

⁷⁵ Эта точка зрения является дальнейшим развитием общераспространенного мнения, что миксэллины были военно-хозяйственными поселенцами на приграничных землях (Зубарь, Сон 2007, 131–134).

⁷⁶ Буйських, Былкова 1984, 31–33; Bylkova 2005, 132–140; Былкова 2007, 106–109.

⁷⁷ Ближняя хора находилась во владении граждан полиса, а на дальней хоре проживали граждане и группы местного населения, но обе категории земель находились под властью полисных властей (Свенцицкая 1967, 82–86).

⁷⁸ Шафранская 1956, 37–48; Casevitz 2001, 41–47.

территорий и местного населения не проводилось, о чем говорит неукрепленный характер почти всех сельских поселений. Оседлые скифы мирно проникали на его хору, где подвергались эллинизации со стороны подавляющего большинства греков, не попадая к ним в поземельную зависимость. Планировка, коллективный характер усадеб и типология сельских поселений типично эллинские⁷⁹, их обитатели являлись греками⁸⁰, поскольку скифский импульс был незначительным. Скифские городища Нижнего Поднепровья, возникшие почти одновременно с возрожденной ольвийской хорой и Каменским городищем на Днестре, напротив, сохраняли скифский облик. Гибель поселений ольвийской округи и северной группы скифских поселений в Нижнем Поднепровье, а также большей части поселений и усадеб хоры Ольвии по берегам лиманов датируется не позднее середины III в. до н.э. (отдельные следы сельскохозяйственной деятельности сохранялись до середины II в. до н.э. только на ближней хоре близ стен города и на левобережье Бугского лимана). Вот почему нет никаких оснований связывать поселения сельской округи Ольвии с миксэллинами, во-первых, по причине слабого влияния на хоре местного населения, во-вторых, из-за хронологического несоответствия декретов в честь Протогена и Анфестерия и археологически засвидетельствованного периода активности на полисной хоре, и в-третьих, в связи с тем, что жители скифских поселений «северной группы» на Нижнем Днестре не подходят под понятие полуварваров-полугреков, ибо являлись чистокровными скифами.

Для локализации миксэллинов следует принимать во внимание следующие обстоятельства. После нашествия Зопириона на Ольвию в 331 г. до н.э. наметился и стал быстро укрепляться союз ольвиополитов со скифами, которые способствовали снятию осады Ольвии и гибели македонского полководца и его войска⁸¹. Вследствие дружественных отношений этого полиса с кочевыми «царскими» скифами многие представители последних оказались вовлечены в товарообмен с греками и получали выгоду от продажи им зерна, вживавшегося с оседлых земледельцев в качестве дани. В обмен на это в степную зону Причерноморья стало поступать больше продукции греческих ремесленников, предназначенной для скифской аристократии. Обращает на себя внимание, что в случае военной опасности ольвиополиты рассматривали миксэллинов как союзников и для их привлечения на помощь отправляли им или их предводителям дары, очевидно, деньгами. Если бы миксэллины были зависимыми от полиса обитателями его сельской округи, то непонятно, почему к ним относились как к союзникам, а не как к подданным (тем более, если они, как утверждает, были полузависимыми и даже зависимыми от полиса поселенцами). Решающим фактором для определения, кем на самом деле были миксэллины, служит их характеристика в Протогеновом декрете – *τοὺς τῆμ παρώρειαν οἰκοῦντας Μιξέλληνας*.

Термин *ἡ παώρεια* получил неоднозначную трактовку: его производили от слова *ὄρος* – «гора» и понимали как «местность, примыкающую к горе или предгорье»,

⁷⁹ План поселения Кошары с квадратной башней на углу и постройками по периметру двора (ср. Зубарь, Сон 2007, 92, рис. 113) мало чем отличается от планировки эллинских построек на хоре греческих городов (Nowicka 1975, 109, fig. 61; Nava 2001, 954, fig. 4).

⁸⁰ Одно из граффити на керамике с поселения Глубокая Пристань на правом берегу Днепровского лимана, где предполагается размещать миксэллинов, сохранило этникон «ольвиополит» или «ольвиополитов» (Vulkoва 2005, 71; Зубарь, Сон 2007, 133). Это одно из доказательств того, что поселения этого района напрямую зависели от Ольвии, имели исключительно греческий облик, а их жители являлись эллинами (Былкова 2011, 113).

⁸¹ Об этом свидетельствует Помпей Трог, см. Яйленко 2007, 84.

подразумеваемая обрывистые берега, отделенные от прибрежной зоны и речных долин. Сторонники такого толкования полагают, что речь должна идти о левобережье низовий Бугского лимана и устье Нижнего Днепра, где были пороги, так как весь остальной ландшафт в окрестностях Ольвии плоский, равнинный и не подходит под данное определение⁸². Однако предложенная локализация «предгорий» в такую схему не вписывается, так как ὄρος, прежде всего, «гора», а не обрывистый берег и не пороги⁸³. В.В. Латышев по причине отсутствия гор вблизи Ольвии и в обоснование тезиса о тождестве каллипидов и миксэллинов предположил, что в основе термина лежит существительное ὄρος – «граница». Поэтому он полагал, что миксэллины являлись жителями пограничья ольвийской территории. Это мнение укоренилось в литературе, однако мы вынуждены признать, что и оно не соответствует действительности. Ἡ παρῳρεία не имеет никакого отношения к пограничью, ибо относится исключительно к району, примыкавшему к реальной горной местности (ср. Polyb. II. 14. 6; 34. 15; Strabo. VIII. 3. 18, см. подробно LSJ s.v.). На это обратила внимание А.С. Русяева, которая предложила искать миксэллинов не по соседству с Ольвией, а на обширном пространстве от Таврики до Подунавья⁸⁴.

Поскольку никаких гор и предгорий на хоре Ольвии и на ее пограничье нет, можно выдвинуть предположение, что союзниками ольвиополитов, проживавшими в предгорных районах, являлись оседлые скифы Таврики. Они занимали предгорные области Крыма, не подчинялись ольвиополитам и были достаточно эллинизованны, т.е. полностью подходили под понятие миксэллинов – варваров, приобщенных к греческим традициям и культуре. К тому же у них были веские основания поддерживать Ольвию в борьбе с сарматскими вторжениями⁸⁵. В легенде о сарматской царице Амаге, относящейся к событиям последней четверти III – начала II в. до н.э., рассказывается о войне сарматов и крымских скифов, закончившейся убийством скифского царя, тревожившего хору Херсонеса Таврического в Западном Крыму. Сарматская царица посадила сына убитого царя скифов на царство и повелела править справедливо без нападений на соседних греков (херсонеситов) и варваров (надо полагать, ее подданных – сарматов) (Polyaen. VIII. 56). Вполне вероятно, что декрет в честь Протогена, относящийся приблизительно к этому времени, под словами о том, что миксэллины были «свертаны врагами», как раз подразумевал вынужденную покорность крымских скифов сарматским царям, не позволившую им оказать помощь Ольвии против сарматских кочевников.

В столице Позднескифского царства – Неаполе достаточно свидетельств эллинизации: постаменты с греческими надписями, греческие граффити, статуи греческих богов, архитектура и убранство общественных сооружений, полиоркетика. В результате недавних раскопок в Центральном Крыму было обнаружено укрепленное поселение Ак-Кая (площадь 10 га) рубежа IV–III в.в. – середины

⁸² Ср., например, Зубарь, Сон 2007, 133.

⁸³ Для характеристики крутых склонов побережья и порогов больше подходит термин κρημὸς, отчего греческие поселения, основанные в подобных местах, носили название Кремны в Приазовье или Кремниски в Северо-Западном Причерноморье, где прибрежная зона была далеко не равнинной (Качарава, Квирквелия 1991, 145–147).

⁸⁴ Русяева 1993, 100–101.

⁸⁵ Косвенно на это указывает то, что при вторжении галатов и скиров жившие в ольвийском пограничье скифы, вместе с другими оседлыми племенами фисаматов и савдаратов не имевшие укрепленных поселений, по свидетельству декрета в честь Протогена искали «укрепленного места», т.е. пытались найти убежище за стенами Ольвии (см. IOSPE I². 32В, стк. 10).

II в. до н.э., население которого было греко-скифским, а материальная культура имеет массу эллинских черт (керамика, строительные остатки, греческие граффити)⁸⁶. Это позволило уверенно поставить вопрос об эллинизации Крымской Скифии, смешанном греко-варварском характере ее населения и тесных связях с греками⁸⁷.

Если предложенное объяснение понятия «миксэллины» соответствует действительности и они на самом деле проживали в Таврике, то это проясняет очень многое. Например, откуда у крымских скифов появился флот, которым командовал ольвиополит Посидей, сын Посидея, длительное время находившийся на службе у позднескифских царей. В этот контекст вписывается активное проникновение в Северо-Западный Крым ольвиополитов, когда Херсонес утратил там влияние и его бывшая хора отошла к скифам. Или тот факт, что последние сохраняли дружбу с эллинами (Ольвией и Боспором), благодаря которой скифский царь Аргот победил фракийцев (гетов) и меотов (сарматов – сирако-меотов). А враги, которые «совратили» миксэллинов (крымских скифов?) и не позволили оказать содействие союзной им Ольвии, являлись, по всей видимости, сарматами. Помимо легенды об Амаге вспоминается эпизод из скифо-боспоро-аланских отношений в конце I в. н.э., когда тавро-скифы, согласно пантикапейскому энкомию⁸⁸, намеревались вступить в союз с сармато-аланами против Боспора. Находит объяснение и скифский протекторат над Ольвией при Скилуре. Тавро-скифы проявляли повышенный интерес к Ольвии до середины II в. н.э., когда после их нападения на город римляне были вынуждены ввести свои войска в Нижнее Побужье и Таврику⁸⁹. Все эти сложные и важные этапы ольвийско-скифских взаимоотношений требуют специального исследования. Однако предложенная гипотеза может послужить стимулом для их рассмотрения под таким углом зрения.

Изучение греко-варварских отношений на примере каллипидов и миксэллинов показывает, что хора Ольвии была организована соответственно общим канонам развития греческих полисов. Каллипиды и миксэллины это совершенно разные этнические понятия, а существовавшие под этими названиями племена или группы племен никакого отношения друг к другу не имеют. Эллинизация оседлых земледельцев на ольвийской периферии была связана с развитием полисного государства, которое стремилось обеспечить земельными владениями широкие слои населения, видя в них основу полисного строя и гражданской общины. Варваризация греков-ольвиополитов, как и эллинизация скифов, сводились к минимуму, так как движущей силой их сближения выступала полисная структура, в силу объективных причин затруднявшая проникновение местного населения в состав гражданского коллектива. Это не согласуется с концепцией о превращении Ольвии в территориальное государство, которое напоминало эллинистические царства. Идеи о предэллинизме применительно к античным полисам Северного Причерноморья, в данном случае на примере Ольвии, вряд ли имеют реальные основания, особенно в области социально-экономических и межэтнических отношений.

⁸⁶ Зайцев 2011, 111.

⁸⁷ Щеглов 1985, 195–198; Зубарь 2002, 507–509; Пуздровский 2001, 94; Зайцев 2003, 42, 49–53.

⁸⁸ Сапрыкин 2005, 45–51.

⁸⁹ Виноградов, Шестаков 2005, 42–44.

Литература

1. *Алексеев А.Ю.* 2003: Хронография Европейской Скифии. СПб.
2. *Анохин В.А.* 1989: Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
3. *Артамонов М.И.* 1974: Киммерийцы и скифы. Л.
4. *Бессонова С.С.* 1991: Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья / А.В. Гаврилов (ред.). Херсон, 92–98.
5. *Бессонова С.С., Скорый С.А.* 2001: Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев–Краков.
6. *Блаватская Т.В.* 1986: Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // СА. 4, 22–33.
7. *Блаватский В.Д.* 1985: Античная археология и история. М.
8. *Буйских С.Б.* 1997: К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 16–18.
9. *Буйских С.Б.* 2005: Античное поселение Аджигол I близ Ольвии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. 12, 164–189.
10. *Буйских С.Б., Былкова В.П.* 1994: К проблеме этнокультурной атрибуции нижнеднепровских памятников V–III в.в. до н.э. // Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, 31–34.
11. *Буйських С.Б., Нікітін В.І.* 1988: Охоронні розкопки могильника IV–III ст. до н.е. Лагерна Коса // Археологія. 63, 85–90.
12. *Былкова В.П.* 2007: Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон.
13. *Былкова В.П.* 2011: Динамика греко-скифских/сарматских отношений в Нижнем Поднепровье (по данным археологии) // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань, 113–114.
14. *Вахтина М.Ю.* 1993: К вопросу о влиянии демографической ситуации на становление и развитие греко-варварских связей в различных районах Северо-Западного Причерноморья // ПАВ. 6, 53–55.
15. *Вахтина М.Ю.* 1996: Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археология. 4, 85–93.
16. *Вахтина М.Ю.* 1998: Основные категории греческой импортной керамики Немировского городища // МИАЭТ. VI, 122–139.
17. *Виноградов Ю.Г.* 1981: Варвары в просопографии Ольвии VI–V в.в. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 131–147.
18. *Виноградов Ю.Г.* 1984: Декрет в честь Анфестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1, 51–80.
19. *Виноградов Ю.Г.* 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М.
20. *Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* 1988: Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VI–IV вв. до н.э. // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 28–34.
21. *Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.* 2005: Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2, 42–44.
22. *Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И.* 1951: К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. XV, 162–187.
23. *Граков Б.Н.* 1954: Каменское городище на Днепре // МИА. 36, 5–237.
24. *Граков Б.Н.* 1959: Греческое граффито из Немировского городища // СА. 1, 259–261.
25. *Граков Б.Н.* 1971: Скифы. М.
26. *Гребенников Ю.С., Фридман М.И.* 1985: К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н.э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы. Парутино, 91–92.
27. *Гребенников Ю.С., Ребедайло Г.П.* 1991: Скифское погребение V в. до н.э. на Ингульце // Курганы степной Скифии / Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян (ред.). Киев, 117–121.
28. *Гречко Д.С.* 2010: Курганы конца VI – середины V в. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // Древности, 116–135.
29. *Гречко Д.С.* 2011: К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V в.в. до н.э. // БФ, 459–463.
30. *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* 1982: Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

31. *Ельницкий Л.А.* 1961: Знания древних о северных странах. М.
32. *Жебелёв С.А.* 1953: Северное Причерноморье. М.–Л.
33. *Загинайло А.Г., Карышковский П.О.* 1990: Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы / В.Л. Янин (ред.) / Кишинев, 3–15.
34. *Зайцев Ю.П.* 2003: Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.
35. *Зайцев Ю.П.* 2011: Варварское население Крыма в III в. до н.э.: скифы или миксэллины? // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань, 111–112.
36. *Зубарь В.М.* 2002: Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. IX, 501–518.
37. *Зубарь В.М., Сон Н.А.* 2007: Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь.
38. *Зуев В.Ю.* 1993: Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до н.э. // ПАВ. 6, 38–52.
39. *Иванова А.П.* 1951: Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. XV, 188–203.
40. *Иевлев М.М.* 2009: Проблема размещения Геродотовских каллипидов // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XV. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я». Запоріжжя, 48–49.
41. *Лліїнська В.І., Тереножкін О.І.* 1971: Скіфський період // Археологія Української РСР. II / С.М. Бибиков (ред.). Київ, 8–184.
42. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* 1983: Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
43. *Каллистов Д.П.* 1952: Северное Причерноморье в античную эпоху. М.
44. *Капошина С.И.* 1945: Пережитки ритуального окрашивания костяков в Ольвийском некрополе и в погребениях приднепровских скифов // КСИИМК. XII, 26–30.
45. *Капошина С.И.* 1950: Погребения скифского типа в Ольвии // СА. XIII, 205–216.
46. *Капошина С.И.* 1956: Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 50, 211–254.
47. *Капошина С.И.* 1956а: О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 50, 154–189.
48. *Карышковский П.И.* 1968: До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. 21, 95–105.
49. *Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т.* 1991: Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси.
50. *Книпович Т.Н.* 1955: Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.). М.–Л., 164–187.
51. *Книпович Т.Н.* 1956: Население Ольвии в VI–I в.в. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. 50, 119–153.
52. *Книпович Т.Н.* 1966: К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. 2, 142–149.
53. *Ковпаненко Г.Т.* 1967: Раскопки Трахтемировского городища // АИУ. I.1965/1966, 103–105.
54. *Ковпаненко Г.Т., Буянтян Е.П.* 1978: Скифские курганы у с. Ковалевки Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев, 7–132.
55. *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* 1989: Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев.
56. *Козуб Ю.И.* 1974: Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. Киев.
57. *Козуб Ю.И.* 1987: Погребальные сооружения некрополей Ольвии и ее округи // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 27–34.
58. *Копейкина Л.В.* 1986: Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. 27, 27–47.
59. *Крыжицкий С.Д.* 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
60. *Крыжицкий С.Д.* 2001: Ольвия і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський «протекторат» // Археологія. 2, 21–35.
61. *Крыжицкий С.Д.* 2002: Ольвия и скифы в V в. до н.э. К вопросу о скифском «протекторате» // АВ. 9, 208–221.
62. *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.
63. *Крыжицкий С.Д. и др.* 1999: Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев.
64. *Латин В.В.* 1966: Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
65. *Латышев В.В.* 1887: Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
66. *Либеров П.Д.* 1951: К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. 4, 178–185.

67. *Люперольский П.Н.* 1884: Что такое "Ελληνες Σκύθαι у Геродота IV.17? // ЖМНП, декабрь, 66 сл.
68. *Марченко К.К.* 1983: Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1, 67–79.
69. *Марченко К.К.* 1988: Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. Л.
70. *Марченко К.К.* 1999: К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв. до н.э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. 3, 145–172.
71. *Марченко К.К.* 2005: Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / К.К. Марченко (ред.). СПб., 42–136.
72. *Мелюкова А.И.* 1971: Население Нижнего Поднестровья в IV–III вв. до н.э. // Проблемы скифской археологии / П.Д. Либеров, В.И. Гуляев (ред.). М., 39–53.
73. *Мелюкова А.И.* 1988: Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э./ О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 8–27.
74. *Молев Е.А.* 2003: Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М.
75. *Мурзин В.Ю.* 1984: Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.
76. *Нейхардт А.А.* 1982: Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
77. *Онайко Н.А.* 1966: Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М.
78. *Островерхов А.С.* 1981: К вопросу о сырьевой базе античных ремесленных центров Днепровско-Бугского лимана // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья / П.О. Карышковский (ред.). Киев, 107–114.
79. *Отрешко В.М.* 1980: З історії Ольвіського поліса в IV–I ст. до н.е. // Археологія. 41, 34–46.
80. *Отрешко В.М.* 1981: Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1, 27–41.
81. *Отрешко В.М.* 2009: Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // Ольвийские древности / С.Б. Буйских, Л.А. Лысенко (ред.). Киев, 28–37.
82. *Отрешко В.М.* 2009а: О миксэллинах // Ольвийские древности / С.Б. Буйских, Л.А. Лысенко (ред.). Киев, 59.
83. *Отрешко В.М., Буйских С.Б.* 1993: Окружение Ольвийского полиса в V в. до н.э. – III в. н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 63–64.
84. *Папанова В.А.* 2006: Урочище Сто могил (Некрополь Ольвии Понтийской). Киев.
85. *Петренко В.Г.* 1967: Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.
86. *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* 2011: Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М.
87. *Полін С.В.* 1987: Про хронологію ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 59, 17–33.
88. *Пуздровский А.Е.* 2001: Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 3, 86–118.
89. *Ростовцев М.И.* 1918: Эллины и иранцы на юге России. Пг.
90. *Ростовцев М.И.* 1925: Скифия и Боспор. Л.
91. *Русяева А.С.* 1993: К вопросу о некоторых этнических общностях декрета в честь Протогена // Древнее Причерноморье. Одесса, 100–101.
92. *Русяева А.С.* 1994: Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994, 99–106.
93. *Русяева А.С.* 1999: Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время (К постановке проблемы) // ВДИ. 4, 84–97.
94. *Русяева А.С., Скржинская М.В.* 1979: Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 4, 25–36.
95. *Рыбаков Б.А.* 1979: Геродотова Скифия. М.
96. *Сапрыкин С.Ю.* 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. до н.э. // ВДИ. 2, 45–81.
97. *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* 2010: Фрагмент хозяйственного письма на свинце из Пантикапея // ВДИ. 1, 50–58.
98. *Свенцицкая И.С.* 1967: Положение зависимого населения в Малой Азии V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 4, 80–86.
99. *Сенаторов С.Н.* 2005: Лепная керамика поселения на острове Березань из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 гг. // Борисфен-Березань: археологическая коллекция Эрмитажа / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 174–185.
100. *Силантьева Н.П.* 1959: Некрополь Нимфея // МИА. 69, 3–107.
101. *Скорый С.А.* 1997: Стеблев. Скифский могильник в Поросье. Киев.
102. *Скорый С.А., Бессонова С.С.* 1996: Житлово-господарський комплекс Мотронинського городища // Більське городище / О.Б. Супруненко (ред.). Полтава, 222–232.

103. *Скуднова В.М.* 1960: Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. I (34), 60–74.
104. *Славин Л.М.* 1951: Древний город Ольвия. Киев.
105. *Смирнова Г.И.* 1996: Предварительные данные о Немировском городище // Більское городище / О.Б. Супруненко (ред.). Полтава, 183–198.
106. *Снытко И.А.* 1990: Погребальные обряды населения ольвийской хоры IV–III в.в. до н.э. // Материалы по археологии Ольвии и ее округи. Киев, 7–17.
107. *Снытко И.А.* 1994: Еще раз о миксэллинах ольвийского декрета в честь Протогена // Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, 175–178.
108. *Снытко И.А.* 2011а: Миксэллины и ойкеты ольвийского декрета в честь Протогена (К вопросу о историко-культурной и территориальной идентификации) // Древнее Причерноморье. IX. Одесса, 461–467.
109. *Снытко И.А.* 2011б: Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V–IV в.в. до н.э. // БФ, 464–471.
110. *Снытко И.А.* 2011в: Миксэллины ольвийского декрета на честь Протогена (історико-археологічний аспект) // Археологія. 3, 22–30.
111. *Снытко И.А., Смирнов И.А., Липавский С.А.* 1989: Античные сельские некрополи позднеархаического и раннеклассического времени в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Тезисы. Одесса, 47–48.
112. *Сокольский Н.И.* 1955: О периоде эллинизма в Северном Причерноморье // ВДИ. 4, 199–204.
113. *Сокольский Н.И.* 1961: Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. B., 123–136.
114. *Сокольский Н.И.* 1971: Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
115. *Сокольский Н.И., Шелов Д.Б.* 1959: Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / А.П. Смирнов (ред.). М., 40–62.
116. *Соловьев С.Л.* 1985: Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ. 32, 31–39.
117. *Соловьев С.Л.* 1995: Новые данные о типологии жилищ Березанского поселения в классическую эпоху // РА. 1, 121–132.
118. *Сон Н.А.* 1987: Ремесленное производство. Орудия труда. Оружие // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 118–133.
119. Степи европейской части СССР 1989: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // А.И. Мелкокова (ред.). М.
120. *Толстой И.И.* 1905: Врач и Дельфиний // ИАК. 14, 44–53.
121. *Фролов Э.Д.* 1996: Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений «полис-монархия») и «эллины-варвары» // ПИФК. 1, 53–60.
122. *Хазанов А.М., Шкурко А.И.* 1978: Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / И.Р. Пичикян (ред.). М., 72–80.
123. *Черненко Е.В и др.* 1986: Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев.
124. *Шафранская Н.В.* 1956: О миксэллинах // ВДИ. 3, 37–48.
125. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР 1984 / А.П. Новосельцев (ред.). М., 5–187.
126. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985а: О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 320–333.
127. *Шрамко Б.А.* 1987: Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
128. *Шрамко Б.А.* 1996: Комплекс глиняных скульптур Більского городища // Більское городище / О.Б. Супруненко (ред.). Полтава, 67–87.
129. *Штительман Ф.М.* 1954: Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII–II вв. до н.э. // КСИА АН УССР. 3, 255 сл.
130. *Щеглов А.Н.* 1985: О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Тбилиси, 185–198.
131. *Яйленко В.П.* 1980а: Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 2, 72–99.
132. *Яйленко В.П.* 1980: Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 3, 75–116.

133. Яйленко В.П. 1983: К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1, 54–65.
134. Яйленко В.П. 2007: Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III в.в. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.). Москва–Киев–Запорожье, 61–118.
135. Braund D. 2007: Greater Olbia: Ethnic, Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC // Classical Olbia and the Scythian World / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). Oxf., 37–77.
136. Bravo B. 2000: Pseudo-Herodotus and Pseudo-Thucydides on Scythia, Thrace and The Regions «Beyond» // Annali della scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Ser. IV. Vol. V, 1, 21–112.
137. Bylkova V. 2005: The Lower Dnieper Region as an Area of Greek / Barbarian Relations // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (VI c. BC – I c. AD) / D. Braund (ed.). Exeter, 131–147.
138. Casevitz M. 2001: Le vocabulaire du mélange démographique: mixobarbares et mixhellènes // Origines gentium / V. Fromentin, S. Gotteland (eds.) (Ausonius – Publications. 7). Bordeaux, 41–47.
139. Connolly P. 1981: Greece and Rome at War. L.
140. Godley A.D. 1971: Herodotus II. Books III–IV. L.
141. Nava M.L. 2001: L'attività archeologica in Basilicata nel 2000 // Problemi della chora coloniale dall'Occidente al Mar Nero. Taranto, 939–980.
142. Nowicka M. 1975: Les maisons à tour dans le monde grec. Wrocław.
143. Rostovtzeff M.I. 1922: Iranians and Greeks in South Russia. Oxf.
144. Rostowzew M.I. 1931: Scythien und der Bosphorus. B.

HELLENIZATION AND BARBARIZATION OF ANCIENT STATES IN THE NORTH PONTIC AREA (CALLIPIDAE AND MIXELLENES OF THE PRE-GETAE OLBIA)

S.Yu. Saprykin

The article deals with the relations between Olbia and the barbarians around it. The author points out Olbia's close connections with the steppe and forest steppe zones of the North Pontic area. As a result, a part of the local population moved to the city and its chora, and some Hellenes settled in Scythian hinterland, where they were engaged in trade. The problem of the Callipidae is reconsidered in this light. The author maintains that this Scythian tribe had previously been nomadizing in the steppe areas north and northwest of Olbia, but in the late 6th – early 5th centuries BC, ousted by a new group of nomads, they moved to the forest steppe area together with some inhabitants of Olbia's shrinking chora. Here the Callipidae became sedentary and took up agriculture, constituting together with the Greeks a group of population which Herodotus called Hellenic Scythians. They cannot, therefore, be identified with the Mixellenes of the Hellenistic Olbia, the Mixellenes being Olbia's allies against the Sarmatians and most probably inhabitants of Crimean Scythia.

Keywords: Olbia, Alizones, Scythians, Callipidae, Mixellenes, Berezan, Low Bug reaches, Low Dnieper reaches, forest steppe, steppe zone, protectorate, Hellenization, barbarization, polis, Scyles.